

ТАЛЕХ ОРУДЖОВ

НАСЛЕДИЕ ТЕНЕЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

18+

Оруджов Талех

Наследие теней: часть первая

<https://litres.ru/74523089>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Наследие теней» — история о людях, которые вырвались на свободу, но обнаружили, что за пределами клетки мир не становится безопаснее.

Мне хотелось написать продолжение о том, что происходит после побега — когда страх сменяется ответственностью, сила перестаёт быть только средством защиты, а каждое решение начинает иметь цену.

Теперь им приходится не просто выживать. Приходится выбирать, кому доверять, кого спасать и насколько далеко можно зайти ради тех, кого любишь.

Война постепенно меняет каждого. Кто-то становится сильнее. Кто-то — жестче. Кто-то из всех сил пытается сохранить в себе человека.

А кто-то однажды начинает задаваться вопросом: если ты способен остановить чужую ошибку — имеешь ли ты право позволить ей случиться?

Потому что самое опасное наследие прошлого — не боль.

А то, во что она способна тебя превратить.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Оруджов Талех

Наследие теней:

часть первая

Глава

ТАЛЕХ ОРУДЖОВ
НАСЛЕДИЕ ТЕНЕЙ
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Частота молчания

Новости шли вторые сутки.

Сначала — короткой строкой в вечернем выпуске, почти незаметной между сообщениями о погоде, политических спорах и очередном росте цен на топливо. Дикторша с неестественно ровной спиной произнесла слова «техногенная катастрофа» той же интонацией, с какой обычно говорят о закрытой автомагистрали или обрушении промышленного здания, а за её спиной на огромном экране несколько секунд висела карта Колорадо. Красная точка отмечала уча-

сток в Скалистых горах — район старого военного объекта, официально много лет не существовавшего ни для гражданских карт, ни для любопытства обычных людей. Большинство зрителей никогда прежде не слышало о Сиерра-9 и через несколько часов уже не смогло бы вспомнить это название.

На следующем кадре карта исчезла. Остались горы, снег и дым.

Позже появились вертолётные съёмки: чёрные остовы строений, разорванные линии электропередач, тяжёлая техника на дороге и белый склон, на котором снег ложился на обугленный бетон с таким спокойствием, будто происходящее внизу не имело к нему никакого отношения. Комментатор говорил о пожаре, взрыве на территории частного исследовательского комплекса и многочисленных жертвах. Он говорил осторожно, избегая слов, которые могли бы повлечь за собой новые вопросы, и ни разу не произнёс «Колыбель». Не назвал Айзена. Не упомянул Эрис. Не сказал, что под землёй десятилетиями существовала программа, в которой человеческое тело считали сырьём, а человеческую жизнь — допустимой погрешностью.

К утру второго дня у истории появилось несколько версий. Террористическая атака. Военная разработка, вышедшая из-под контроля. Незаконная биологическая лаборатория. Саботаж. В одном из утренних выпусков седой эксперт с военным прошлым предположил, что на объекте могли ис-

пытывать технологии двойного назначения, и ведущая спросила, откуда у него такая информация. Он ответил, что это всего лишь профессиональное предположение.

Через двадцать минут запись интервью исчезла из сети.

К полудню о Сиерра-9 говорили уже меньше. Затем в другом штате сошёл с рельсов грузовой поезд. Потом биржевой индекс просел на два процента. Потом известный актёр объявил о разводе. Потом синоптики пообещали сильный снегопад в Денвере.

Мир продолжил жить с той бесстыдной естественностью, с какой живёт почти всегда: не потому, что он жесток, и не потому, что ему всё равно, а потому, что ни одна человеческая трагедия не способна надолго стать центром чужой жизни. Для тех, кто смотрел новости за завтраком, катастрофа была сюжетом на несколько минут. Для пятерых людей, ехавших сейчас по заснеженной дороге вдаль от камер и вертолётот, она была границей, после которой всё прежнее осталось по другую сторону.

Для одних людей мир закончился. Для остальных — нет.

В конференц-зале не было окон.

Дрейк предпочитал такие помещения не из любви к минимализму. Окна напоминали о том, что снаружи существует жизнь, не зависящая от его решений, а он не любил лишних переменных. Здесь оставались только длинный стол из тёмного дерева, стеклянные бутылки с водой, несколько экра-

нов и люди, привыкшие говорить о человеческих судьбах теми же словами, какими бухгалтеры обсуждают квартальные расходы.

На главном экране застыл спутниковый снимок Сиерра-9. От комплекса, ещё двое суток назад спрятанного в горах, осталась тёмная неровная полоса среди снега. По периметру уже выросли временные посты, стояли армейские машины, работали поисковые группы. Всё выглядело организовано. Почти спокойно. Катастрофы всегда начинали казаться управляемыми, как только вокруг них появлялись ограждения, люди в форме и таблицы.

— Ещё раз, — сказал Дрейк. — Без формулировок для прессы.

Мужчина, отвечавший за сводный отчёт, открыл папку.

— На данный момент подтверждена гибель сорока семи человек. Двенадцать сотрудников внутренней безопасности, семнадцать исследователей, восемь технических специалистов, пять административных сотрудников и пять внешних подрядчиков.

— Пропавшие?

— Девять.

— Вероятность обнаружить живыми?

Мужчина сделал короткую паузу.

— Практически нулевая.

Дрейк кивнул, не потому что цифры его удовлетворяли, а потому что цифры хотя бы были чем-то определённым.

— Серверы.

— Центральный узел уничтожен. Часть резервных массивов успели вывести до окончательного обрушения комплекса. Мы пока не знаем, сколько данных удастся восстановить. Несколько групп работают параллельно.

— Биологическое хранилище?

Пауза оказалась длиннее.

— По записям внутренних камер, содержимое хранилища было введено Нулевому. Степень фактической интеграции неизвестна.

Дрейк медленно поднял глаза.

— Всё?

— Всё, что находилось на объекте.

— Значит, почти всё.

Никто не переспросил. На экране появился Калёб Ашер.

Фотография была сделана раньше, ещё до того, как его имя стало предметом совещаний в комнатах без окон. Тёмные волосы, усталый взгляд, едва заметное раздражение человека, которого фотографируют без его желания. Ничего в этом лице не соответствовало масштабу того, что теперь находилось у него внутри.

— Тысяча двести сорок семь образцов, — сказал Дрейк.

— Генетический материал, собранный за десятилетия программы. Активные носители, погибшие объекты, утилизированные образцы, линии, которые признали нестабильными. Весь этот материал теперь находится в организме одно-

го человека. Что именно прижилось, что когда-нибудь проявится и чем это обернётся для самого Калеба, мы не знаем.

Один из членов совета, женщина с короткими седыми волосами, сложила руки перед собой.

— Вы говорите так, будто он стал хранилищем.

— Нет, — ответил Дрейк. — Хранилище можно открыть, изучить и снова закрыть. С ним всё будет сложнее.

— Насколько сложнее?

— Если бы мы знали, не собирали бы это совещание.

На экране появились ещё четыре лица. Ронан Вэйд. Сайлас Винн. Элара Веспер. Кира.

— Все пятеро покинули объект до окончательного разрушения, — продолжил докладчик. — Последнее подтверждение — запись с внешнего сектора. После этого след теряется.

— Транспорт?

— Пикап с территории Сиерра-9. Старый, без активной телематики. Номера, судя по всему, служебные, но база регистраций повреждена. По камерам на магистралях пока совпадений нет.

Дрейк перевёл взгляд на карту.

— Значит, они не поехали по крупным дорогам.

— Вероятно.

— Или они заранее решили, что крупные дороги слишком заметны.

Никто не ответил, потому что это было одинаково похоже и на предположение, и на факт.

На экране возникла Эрис. Старая фотография. Лабораторный коридор, белый свет, лицо, слишком спокойное для человека, которого привыкли считать опаснее большинства вооружённых подразделений.

— С ней ситуация хуже, — сказала седовласая женщина.

— Почему хуже? — спросил Дрейк.

— Потому что по Калебу у нас есть хотя бы наблюдаемое поведение: он ушёл вместе с группой и не вышел на связь. Это ничего не говорит о его дальнейших мотивах, но даёт нам хоть что-то. По Эрис у нас нет даже этого.

Дрейк несколько секунд смотрел на фотографию.

— До смерти Айзена это хотя бы можно было предполагать. Он был единственным человеком, чью власть над собой она признавала. Не потому, что не имела собственной воли. Скорее наоборот. Она выбирала следовать за ним.

— А теперь?

— Теперь выбора, который она делала раньше, больше не существует.

— Она продолжит программу?

— Возможно.

— Попытается уничтожить остатки?

— Возможно.

— Пойдёт за Калемом?

Дрейк не спешил с ответом.

— Скорее всего.

В этот момент открылась дверь.

Артур Стерлинг вошёл без спешки, и в его движениях не было ни показной уверенности, ни желания извиняться за опоздание. Он выглядел примерно на сорок, хотя возраст в его случае определялся не морщинами, а тем, как человек входил в комнату: так входят те, кто слишком много раз видел, чем заканчиваются чужие планы, чтобы впечатляться чужой важностью.

Дрейк сверился с часами.

— Ты опоздал.

— На четыре минуты.

— Это называется опозданием.

— Тогда да.

Артур сел на свободное место.

Ни один из членов совета не потребовал объяснений. Его имя знали все. Последние годы небольшой отряд — Артур, Маркус, Тобиас и Елена — отправляли туда, где обычные группы либо не справлялись, либо слишком быстро начинали стрелять. Иногда это было комплиментом. Иногда — способом переложить ответственность.

Артур перевёл взгляд на экран.

— Калёб.

— Калёб, — подтвердил Дрейк.

— Остальные с ним?

— Да.

— Эрис?

— Жива.

Артур едва заметно выдохнул.

— Понятно.

— Тебя что-то удивляет?

— Нет. Было бы легче, если бы удивляло.

Дрейк переключил экран на карту.

— Основная задача — найти группу раньше Эрис. Кaleb нужен живым. Кира — тоже. Остальных не трогать без необходимости.

— «Без необходимости» — удобная формулировка, — заметил Артур.

Несколько человек перевели на него взгляд. Дрейк не изменился в лице.

— У тебя есть более точная?

— Есть. Не стрелять в них, пока они не создают непосредственную угрозу жизни.

— Они окажут сопротивление.

— Разумеется.

Артур задержался на фотографиях пятерых.

— Они только что выбрались из места, где людей держали в клетках, исследовали, преследовали и убивали. Если к ним выйдут вооружённые незнакомцы, назовут их по именам и предложат «проехать поговорить», нормальной реакцией будет не доверие.

— Нам нужен результат, — сказал один из членов совета.

— Мне тоже. Поэтому я предпочитаю не превращать первую встречу в перестрелку.

Дрейк несколько секунд изучал Артура, затем кивнул.

— Хорошо. Твоя операция. Твои правила в поле. Но Калеб не должен исчезнуть.

— И Кира?

— Тоже.

Артур задержал взгляд на её фотографии чуть дольше.

— Почему?

— Потому что она одна из немногих, кого программа сумела превратить в оружие и при этом не получила полного контроля. Мне интересно, почему.

— Вот это уже звучит хуже.

— Я не обязан звучать хорошо.

— Нет. Только честно.

Дрейк не ответил. Артур посмотрел на фотографию Эрис.

— Если она появится?

— Избегать прямого столкновения.

— Наконец-то разумная часть приказа.

— Ты сможешь её остановить?

Вопрос прозвучал просто, но в комнате стало тише. Артур долго смотрел на экран.

— В прямом бою — нет.

Один из членов совета раздражённо откинулся в кресле.

— Тогда зачем отправлять вас?

Артур повернулся к нему.

— Потому что моя задача не победить её. Моя задача — сделать так, чтобы бой не стал единственным вариантом.

— Вы понимаете её мотивацию?

— Нет.

— Тогда на чём строится ваш расчёт?

— На том, что даже самый сильный человек действует ради чего-то. Если понять, ради чего, иногда можно изменить ситуацию без выстрела.

Дрейк впервые за всё совещание едва заметно улыбнулся.

— Вот поэтому ты здесь.

Артур не ответил.

Он продолжал смотреть на Эрис, но не как на чудовище и не как на цель. Скорее как на неизвестную переменную, которую опасно называть злом только потому, что так удобнее строить приказ.

Совещание закончилось почти через час.

Члены совета уходили один за другим, унося планшеты, папки и собственные версии происходящего. Когда дверь за последним закрылась, Артур остался сидеть. Дрейк не торопился. Некоторое время они молчали, и это молчание отличалось от предыдущего: теперь здесь не было необходимости производить впечатление.

— Ну? — спросил Артур.

— Что?

— Ты не позвал бы меня ради того, что уже рассказал совету.

— Я знал, что ты это скажешь.

— Тогда сэкономь нам обоим время.

Дрейк выключил карту и оставил на экране только фотографию Калеба.

— Айзен десятилетиями держал Сиерра-9 отдельно от остальных структур. Я мог влиять на финансирование, получать часть отчётов, договариваться с подрядчиками, иногда блокировать решения. Но он не отдавал контроль над ядром программы. Никому.

— Тебе особенно.

— Особенно мне.

— Потому что не доверял?

— Потому что у нас были разные ответы на один вопрос.

— Какой?

Дрейк помолчал.

— Что делать с технологией, которая способна изменить человека.

Артур поднял взгляд.

— И твой ответ?

— Встроить её в существующий мир. Медицина. Оборона. Реабилитация. Контролируемые программы. Закон. Система.

— То есть контроль.

— То есть ответственность.

— Обычно эти слова очень любят стоять рядом.

Дрейк проигнорировал замечание.

— Айзен думал иначе. Для него существующий мир был

проблемой. После смерти Эмили он перестал спрашивать, как лечить отдельные болезни. Он начал спрашивать, почему человеческое тело вообще должно оставаться таким, каким оно есть. Почему старение считается нормой. Почему врождённая болезнь считается судьбой. Почему агрессия, слабость, страх, наследственные дефекты — то, с чем человек обязан мириться.

— И решил, что не обязан.

— Да.

Дрейк посмотрел на разрушенную базу.

— В этом и была его опасность. Он не хотел власти. Не хотел денег. Он хотел быть правым. Люди, которым нужна власть, хотя бы понимают цену компромисса. Люди, которые считают себя спасителями, обычно убеждены, что цена уже оправдана.

Артур медленно кивнул.

— Ты всё ещё его уважаешь.

— Уважение и согласие — разные вещи.

— Не для всех.

— Для меня — да.

В комнате ненадолго стало тихо.

— А Кaleb? — спросил Артур.

Дрейк посмотрел на фотографию.

— Совет видит в нём набор данных. Это удобно. Цифры не задают вопросов.

— А ты?

Дрейк провёл пальцем по краю стола.

— Я вижу восемнадцатилетнего парня, который за последние месяцы потерял родителей, наставника, прежнюю жизнь и получил внутри себя тысячу двести сорок семь причин перестать верить кому-либо.

— Необычно человеческая формулировка для тебя.

— Не путай человечность с мягкостью.

— Не путаю.

— И ещё я вижу риск войны. Если о нём узнают те, кто умеет считать не людей, а возможности, за ним начнут охотиться не четыре человека. Государства, корпорации, частные структуры, остатки программы. Кто-то захочет его изучить. Кто-то использовать. Кто-то уничтожить, пока не поздно.

— Поэтому ты хочешь его найти первым.

— Да.

— Чтобы защитить?

Дрейк посмотрел на Артура.

— Чтобы не дать остальным решить его судьбу раньше нас.

— Это не ответ.

— Другого у меня пока нет.

Артур слегка откинулся назад.

— А если он не захочет иметь с нами ничего общего?

— Убедишь.

— А если не получится?

Дрейк молчал несколько секунд.

— Тогда хотя бы не дай Эрис или кому-то ещё превратить его в средство.

Артур усмехнулся без веселья.

— Смешно слышать это здесь.

— Я знаю.

— И тебе не мешает противоречие?

— Мешает. Но противоречия редко отменяют необходимость действовать.

Артур поднялся.

— Хорошо.

— Отправляйся на Меридиан. Маркус, Тобиас и Елена уже получили доступ. Там будут транспорт, оборудование и люди.

— Люди мне нужны меньше всего.

— Иногда они полезны.

— Иногда.

Он дошёл до двери, но остановился.

— Дрейк.

— Что?

— Ты сказал, что Айзен был опасен, потому что считал себя спасителем.

— Да.

— Постарайся не забыть это, когда будешь решать, что лучше для Калеба.

Дрейк ничего не ответил. Артур вышел.

В коридоре было прохладнее, чем в конференц-зале. Свет под потолком горел ровно, без теней, и от этого лица проходивших сотрудников казались одинаково усталыми. Артур дошёл до лифта и только там достал телефон. На экране уже было три сообщения. Одно от Маркуса: «Если это опять горы, я официально увольняюсь». Второе от Тобиаса: «Он не уволится». Третье от Елены было без шутки: «Материалы посмотрела. Нам нужно поговорить до Меридиана».

Артур нажал вызов. Она ответила сразу.

— Слушаю.

— Ты одна?

— Нет, я с оркестром. Конечно одна.

Он позволил себе короткую улыбку.

— Приказ получили?

— Да. Формулировка мне не нравится.

— Какая именно?

— «Изъятие объекта».

Двери лифта открылись. Артур вошёл.

— Мне тоже.

— Это что-то меняет?

— В поле — да.

Несколько секунд Елена молчала.

— Ты уже решил, что не будешь выполнять приказ буквально.

— Я решил, что людей не изымают.

— Дрейк знает?

— Теперь знает.

— И?

— Не выгнал.

— Великодушно.

Лифт пошёл вниз. В металлической двери отражалось лицо Артура — старше, чем он привык видеть себя в зеркале, хотя дело было не в возрасте. Усталость не всегда добавляла морщины. Иногда она просто убирала из человека лишние выражения.

— Елена.

— Да?

— Посмотри отдельно всё, что есть по Кире. Не общие боевые отчёты. Историю Кейна, старые протоколы, любые эпизоды, где она принимала решение сама.

— Думаешь, она ключ?

— Думаю, все вокруг слишком долго называли её оружием. Хочу понять, что останется, если перестать это делать.

— А Кaleb?

Артур посмотрел на цифры этажей.

— С ним наоборот. Все теперь будут смотреть на то, что находится у него внутри. Мне нужно понять, что осталось снаружи.

Елена тихо выдохнула.

— Ты понимаешь, что это звучит почти гуманно?

— Никому не рассказывай.

— Маркус расстроится. Он считает, что у тебя вместо

сердца инструкция по эксплуатации.

— Маркус много чего считает.

— А Сайлас Винн, судя по материалам, считает лучше.

Артур задержался на этой фразе.

— Именно поэтому не недооценивайте его. Не только Ка-
леба. Ни одного из них.

— Мы никогда не недооцениваем цели.

— Вот и первая ошибка.

На другом конце наступила пауза.

— Потому что они не цели?

— Потому что если мы с самого начала будем думать о них
как о целях, рано или поздно начнём вести себя так, чтобы
они тоже увидели в нас только врагов.

Лифт остановился. Елена сказала уже серьёзнее:

— Поняла.

— Встретимся на Меридиане.

— Артур.

— Что?

— А если Дрейк прав и этот парень действительно может
начать войну?

Двери перед Артуром разошлись. За стеклянными вход-
ными дверями валил снег. Люди шли по тротуару, пряча ли-
ца в воротники, кто-то держал бумажный стаканчик кофе,
женщина у перехода пыталась натянуть ребёнку капюшон, а
тот сопротивлялся с серьёзностью человека, которому ещё
не объяснили, насколько мелкими бывают настоящие про-

блемы.

— Тогда, — сказал Артур, — особенно важно не начать её за него.

Он отключился. Дверь закрылась почти бесшумно.

Некоторое время Дрейк смотрел на фотографию Калеба, а затем выключил экран. Комната погрузилась в сероватый полумрак, и на секунду ему показалось, что так честнее. Когда изображение исчезало, человек снова становился человеком. Не целью. Не носителем. Не будущим войны.

Но только на секунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.